

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 324

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-342-366

ОСНОВЫ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

А. И. ЕМЕЛЬЯНОВ

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия

Я. В. ВАРНАЦКАЯ

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия

Для цитирования:

Емельянов А. И., Варнацкая Я. В. Основы прямой демократии в Латинской Америке // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 342–366. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-342-366.

Введение: раскрываются особенности демократических институтов в государствах Латинской Америки через анализ форм и механизмов прямой демократии и исследование индекса прямой демократии в латиноамериканских государствах.

Цель: изучение демократических институтов и определение возможностей и границ механизмов прямой демократии в государствах Латинской Америки.

Методы: анализ документов, в том числе конституций латиноамериканских государств, бихевиористский, структурно-функциональный, системный, институциональный методы, сравнительный анализ.

Результаты: выявлены основные механизмы прямой демократии в Латинской Америке, вычислен индекс прямой демократии в латиноамериканских государствах, показаны рост и перспективы развития прямой демократии в Латинской Америке.

Выводы: определено, что значение прямой демократии в Латинской Америке возрастает. Роль механизмов прямой демократии становится особенно заметной на местном уровне, где, ввиду частоты плебисцитов, чаще происходят смещения с выборных должностей, проводятся различные предварительные всенародные обсуждения или реализуются народные инициативы. В странах с авторитарной традицией и высокой концентрацией власти в руках президента исполнительная власть чаще придает импульс всенародному волеизъявлению. В странах, которые, напротив, делают ставку на разделение властей и переговоры, механизмы прямой демократии используются гражданами и политическими партиями намного чаще и благодаря этому проявления как прямой, так и представительной демократии усиливаются.

Ключевые слова: прямая демократия; демократический институт; Латинская Америка; национальный референдум; плебисцит; индекс прямой демократии

ВВЕДЕНИЕ

Народное представительство является основой любого демократического государства, а также индикатором недовольства общества тем или иным политическим курсом. Причем данное явление можно наблюдать не только в Европе, но и в странах Латинской Америки. Эффект и формы выражения общественных запросов граждан дают представление о социальных потребностях в отдельно взятом государстве и помогают понять мобилизационный потенциал различных акторов, принимающих участие во внутренней политике.

Так, результаты выборов в Эквадоре и Доминиканской Республике 1978 года считаются отправной точкой в новой волне демократизации Латинской Америки. Согласно терминологии Сэмюэля Хантингтона (Хантингтон, 2003), именно переходные процессы в данных государствах послужили началом великой политической трансформации в регионе, соединившись с «третьей волной» демократизации (Sáez, 2019). Однако из-за общественного давления «снизу», как в Аргентине, Боливии и Эквадоре, или из-за особенностей политического развития, как в Бразилии или Парагвае, политический процесс постоянно сводился к преждевременной отставке избранных президентов. В Венесуэле, Гондурасе и Эквадоре государственная власть препятствовала смене элит, тем не менее возврат к прежним военным диктатурам не происходил. Хотя данный процесс перехода от авторитарного к демократическому правлению в Латинской Америке отличался неравномерностью и протяженностью, он был завершен к 1990-м годам.

В этой связи целью данного исследования является изучение демократических институтов и определение возможностей и границ механизмов прямой демократии в государствах Латинской Америки. Употребляя термин «прямая демократия», авторы рассматривают его как собирательное понятие для «референдума», «законодательной народной инициативы» и «плебисцита».

Демократические процессы, анализируемые в настоящей статье, рассмотрены с начала политической трансформации 1978 года.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решение следующих задач:

- изучить поправки и реформы конституций латиноамериканских государств в период демократизации;
- проанализировать учет интересов всех членов общества (инклюзивность), участие граждан в политической жизни государств Латинской Америки посредством форм прямой демократии;
- рассмотреть механизмы участия граждан, инициируемые государством (например, плебисциты);
- изучить индексы прямой демократии в государствах Латинской Америки.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Начиная с 1978 года в результате «третьей волны» демократизации все латиноамериканские конституции были пересмотрены. В некоторых странах конституционные реформы стали частью процесса демократизации и привели к непосредственному расширению гражданских прав. В других, напротив, работали как ограничение или попытка установить преемственность власти глав государств, увеличить срок их полномочий или же усилить исполнительную ветвь власти.

Закрепление в конституциях юридических рамок о правах и свободах помогает представить демократические преобразования в регионе как результат широкого и негласного взаимодействия традиционных политических акторов в политической или социальной сфере. Так, аргентинский политический философ и юрист Карлос Нино обращает внимание, что конституция, с одной стороны, может пониматься как самый главный в любом государстве документ, а с другой стороны, должна эволюционировать как результат непрерывного общественного процесса (Nino, 2014, p. 54). Томас Джефферсон, третий президент США, утверждал, что «ни одно общество не может создать вечную конституцию или даже вечный закон. Земля всегда принадлежит живущему поколению, а не ушедшему <...>. По истечении 19 лет любая конституция или закон естественно теряет силу»¹.

Таким образом, текст конституции позволяет понять содержание прав и свобод человека и гражданина в том или ином обществе (а также в сравнении с другими обществами), судить о легитимности и легальности фактических политических решений, направленных на ущемление этих прав и свобод. В этом контексте конституционные реформы могут рассматриваться как показатель наличия общественно-политических проблем и попыток их решения политической элитой или же населением в целом. Наблюдение за реформами помогает осмыслить, насколько обширно, учитывая интересы всех членов социума, проходят дебаты о конституционных преобразованиях в какой-либо стране (табл. 1).

Помимо того, что конституции являются ответами на правовые, политические и социальные вопросы, в них выражаются господствующие в обществе политические концепции представительства и демократии. Когда участие граждан, например в президентских и парламентских выборах, ограничивается, то речь идет о минимальной концепции представительной демократии, идущей в русле трактовки Йозефа Шумпетера (Schumpeter, 2008). Широкое участие общества в выборах, однако, помимо коллективных возможностей для воздействия, позволяет гражданам не только выбирать и контролировать их представителей (подчеркивая их обязанность отчитываться по вертикали власти), но и вводить в политический дискурс новые запросы, что подтверждается моделью «черного ящика» Дэвида Истона (Easton, 1965). Вопросы представительства и демократии могут быть отражены в программах партий

¹ To James Madison from Thomas Jefferson, 6 September 1789 [Электронный ресурс] // National archives. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Madison/01-12-02-0248> (дата обращения: 10.10.2019).

Таблица 1 / Table 1

Новые конституции и поправки к конституциям в странах Латинской Америки, 1978–2019 годы² /
New constitutions and constitutional amendments in Latin America countries, 1978–2019

Страна	Год принятия конституции	Реформы или поправки к конституции ³
Аргентина	1853	1994
Боливия	2009	2016
Бразилия	1988	1990, 1992, 1993, 1995, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2009
Венесуэла	1999	2009
Гватемала	1983	1993
Гондурас	1982	1982, 1986, 1989, 1990, 1994, 1995, 1997, 1998, 1999, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2012
Доминиканская Республика	2010	1994, 2002
Колумбия	1991	1993, 1995, 1996, 1997, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2007, 2009
Коста-Рика	2008	1981, 1982, 1984, 1987, 1989, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003
Мексика	1917	1978, 1981, 1982, 1983, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, 1992, 1993, 1994, 1995, 1997, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014
Никарагуа	1987	1995, 2002, 2005, 2014
Панама	1972	1978, 1983, 1993, 1994, 2004
Парагвай	1992	–
Перу	1993	1995, 2000, 2002, 2004, 2005
Сальвадор	1983	1991, 1992, 1994, 1996, 1999, 2000, 2014
Уругвай	1997	1989, 1994, 1996, 2004
Чили	1980	1989, 1991, 1997, 1999, 2000, 2003, 2005, 2007, 2008, 2009, 2011
Эквадор	2008	2011, 2018

Источник: составлено авторами.

² Поправки вне указанного периода не учитываются.

³ В некоторых странах за один год было проведено больше поправок к конституции и реформ. Список неполон.

или политиков, тем самым способствуя дебатам между различными общественными и политическими силами. Актуализация темы участия населения в управлении может способствовать созданию дополнительных институтов, в рамках которых требования граждан будут услышаны, что будет способствовать развитию прямой демократии в стране (Мартынов, 2001, с. 56).

Проанализируем учет интересов участников политического процесса (инклюзивности), распространенность форм прямой демократии, а также институционализацию участия граждан в управлении. Для этого авторы настоящей статьи обозначают механизмы прямой демократии, чтобы определить и охарактеризовать конституции и поправки к ним на примере 18 латиноамериканских стран. Прежде всего, необходимо выяснить, что является источником прямой демократии – народ или законодательная / исполнительная ветвь власти (рис. 1). Некоторыми специалистами это явление обозначается как прямая демократия сверху» (Altman, 2005; Zovatto and Henríquez, 2008) или прямая демократия «снизу».

Чем больше в распоряжении граждан оказывается механизмов прямой демократии, с помощью которых они могут выразить свои потребности, тем больше возможностей контролировать представительную демократию по вертикали. Эта гипотеза лишь усиливается в контексте, который описал Пьер Розанвайон (Rosanvallon, 2008). Всемирное ограничение легитимного значения выборов ведет к нехватке легитимности представительной демократии во всем мире, что выражается в растущей дистанции между представителями и представляемыми. Таким образом, демократия трансформируется в неоолигархию, когда формально власть принадлежит гражданам, а на деле народным избранникам. Это подтверждается таким индикатором, как растущее политическое равнодушие граждан. Но наряду с этим появляется все больше нетрадиционных форм участия в политической жизни, таких как уличные протесты, сбор петиций, а также проявление солидарности в социальных сетях (Дабагян, 2017).

Латинская Америка так же, как страны Европы и Северной Америки, является регионом, в котором всеобщие выборы институционализированы и широко распространены. Однако данный регион особенно интересен теми формами прямой демократии, которые исходят от граждан и социальных движений, формируя политический дискурс в рамках теории делиберативной демократии, где государственно-правовая сфера максимально открыта и подвижна, а принимаемые решения являются результатом публичного обсуждения (Хелд, 2014, с. 410). Удачное сочетание желания граждан и возможностей властей способствует, таким образом, сближению представителей и представляемых. Распространение форм народного представительства может быть ответом прямой демократии на потерю доверия к политическим партиям.

По результатам анализа политической ситуации в Латинской Америке нам представляется разумным выделить следующие механизмы прямой демократии (рис. 1).

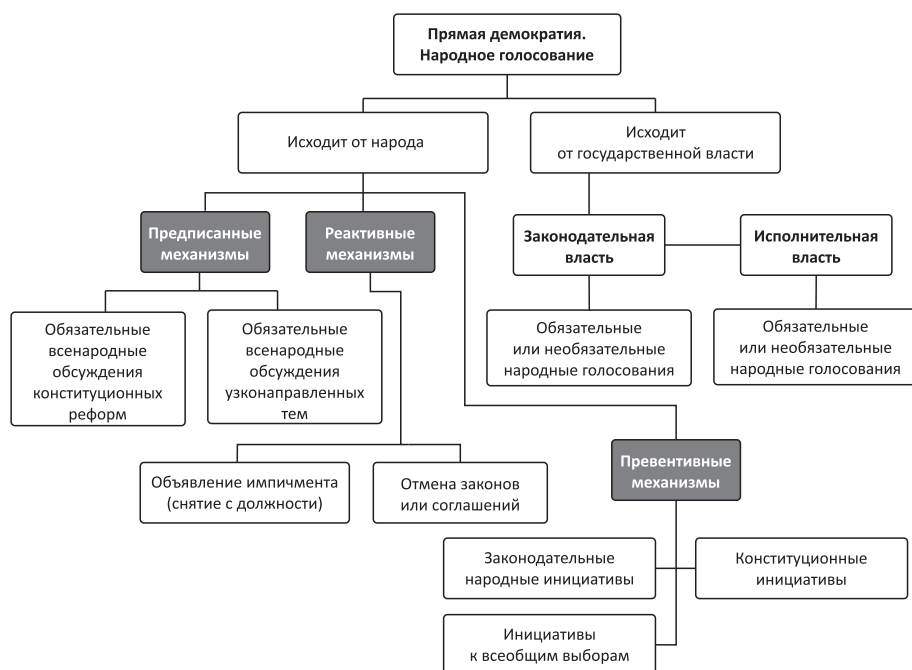

Рис. 1. Механизмы прямой демократии в странах Латинской Америки /
Fig. 1. Mechanisms of direct democracy in Latin America countries

Превентивные механизмы прямой демократии определяют готовность граждан к реализации их права предлагать законы, выдвигать законодательские инициативы или конституционные реформы, а также законными средствами призывать к всеобщим выборам.

Эти механизмы предоставляют возможность включения граждан в процесс принятия политических решений, укрепления связей с избираемыми властями, а также дальнейшего движения вперед на пути демократизации политической системы латиноамериканского региона. Благодаря им культурные и этнические меньшинства получают возможность выдвигать свои предложения и выводить на первый план значимые для них вопросы, обозначая конкретные интересы в политической жизни страны.

Однако законодательная народная инициатива предполагает высокий уровень организации и образованности граждан, т. е. наличие у них сильной мотивации, знаний о политических процессах, достаточных материальных ресурсов. Как правило, инициатива исходит от политических партий, которые могут поддерживать гражданские и общественные предложения. От лидеров партий требуется определенная доля популизма, чтобы привлекать граждан участвовать в политической борьбе или создавать иллюзию таковой, что зачастую приводит к власти соответствующие политические силы. Таким образом, гипотеза, согласно которой влияние политических партий при прямой демократии ослабляется или вовсе исчезает, опровергается реалиями в странах Латинской Америки.

Однако существует риск того, что законодательные народные инициативы институционализируются, чтобы добиться сомнительных общественных выгод. Мощные общественные организации, депутаты от крупных политических партий, обладающие властными ресурсами и возможностями для мобилизации населения, могут использовать этот механизм прямой демократии в интересах отдельно взятых лоббистских групп, олигархических структур и т. п., что не раз можно было наблюдать в странах региона.

Кроме того, принимая во внимание законодательное изменение механизмов прямой демократии, можно наблюдать определенный дисбаланс в странах региона. В большинстве государств часто проходит много лет между принятием конституционных поправок о возможности всенародного обсуждения до реализации на практике указанных положений. Это можно расценить как показатель незначительной политической воли и неготовности действующих правительств легализовать народные волеизъявления.

Реактивные механизмы прямой демократии обозначают отмену законов и возможность объявления импичмента (снятия с должности). Они служат защитой против принятия непопулярных законов и могут привести к импичменту тех лиц, которые потеряли поддержку своих избирателей по различным причинам. Преимущества этих механизмов очевидны, но при этом существуют и определенные риски, когда ими злоупотребляют или используют их для оказания давления на народных представителей. Степень влияния реактивных механизмов зависит от особенностей национального законодательства, от того, какие, к примеру, условия должны быть выполнены, чтобы заявить об импичменте.

Такой реактивный механизм, как отмена законов, имеет ограниченное влияние на политический процесс в рамках представительной демократии. До сих пор данная мера использовалась только в Уругвае (Lissidini, 2012, p. 241). Что касается снятия с должностей, стоит обратиться к опыту Перу. Некоторые источники указывают на негативное воздействие подобных мер на представительную демократию (Tuesta Soldevilla, 2014, p. 46); другие подчеркивают тяжесть последствий и вероятность кризисов, которые повлияют на институциональные структуры и участвующих в политике акторов (Welp and Serdult, 2014, p. 179–180). Конкретные воздействия этого механизма прямой демократии могут быть рассмотрены только в зависимости от национального контекста.

Предписанные механизмы являются классическими формами прямой демократии, которые применяются в различных странах, прежде всего, в виде референдумов. В латиноамериканском регионе обязательные всенародные обсуждения становятся необходимыми, когда реформы требуют одобрения граждан посредством плебисцита. Это касается, прежде всего, конституционных реформ, а также узконаправленных тем, таких как территориальные границы, политическая структура государства, международные договоры или процессы мирного урегулирования. Кроме того, это может касаться вопросов, заинтересованность в которых выражают определенные этнические группы или коренные народы.

С одной стороны, предписанные механизмы прямой демократии содержат потенциальный риск парализовать внутренний политический про-

цесс: ведь политические акторы предпочитают не предлагать непопулярные реформы, поскольку боятся поражения, если их инициатива не получит поддержку в ходе народного голосования. При этом также существует опасность, что принятие или отклонение той или иной реформы будет необъективным, если участие граждан сопряжено лишь с вотумом доверия партии или определенным политическим акторам. В подобном случае мы узнаем мнение граждан не о законопроекте, а об уровне поддержки политического курса страны.

С другой стороны, предписанные механизмы побуждают политических акторов к реформам, которые удовлетворяют интересы большинства граждан. Политические элиты вынуждены сообщать о проектах реформ и их значении, привлекать к обсуждению общественность. Все это сильнее, чем при голосовании на выборах, втягивает граждан в процесс принятия решений. Реформы, которые принимаются подобным образом, обладают, несомненно, высокой демократической легитимностью.

Отличительной чертой обязательных всенародных обсуждений в Латинской Америке является их инициирование и активное в них участие многоэтнического, мультикультурного и многоязычного населения региона. Национальные меньшинства пользуются этим правом на основании конституций, а также конвенции Генеральной конференции Международной организации труда от 1989 года⁴ и официального заявления ООН от 2007 года «О правах коренных народов»⁵. Однако, несмотря на существование международных соглашений, остается неясным, кто должен инициировать обязательные всенародные обсуждения, в каких условиях и с какими правовыми последствиями это должно происходить, что приводит к появлению многочисленных жалоб.

Стоит отметить еще один механизм прямой демократии – *обязательные или необязательные народные голосования, исходящие от государственной власти* (законодательной или исполнительной ее ветви). Они часто сопряжены с политическим злоупотреблением в демагогических, партийных или авторитарных целях. Так, опасаясь отрицательного голосования по законопроекту в парламенте, глава государства может вынести законопроект на референдум и уйти от обсуждений и прений с депутатами. Кроме того, народные голосования могут рассматриваться национальным лидером как источник повышения популярности, в случае если выносимый на обсуждение вопрос несет социальные или политические выгоды гражданам. Таким образом, если власть использует референдумы в своих целях без конкретного законодательного намерения, это может привести к ослаблению механизмов прямой демократии в целом.

В целом, в странах латиноамериканского региона в последние годы происходит расширение механизмов прямой демократии. Их введение связано,

⁴ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Электронный ресурс]: принята Генер. конф. Междунар. орг. труда на ее семьдесят шестой сессии от 27.06.1989 № 169. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml#a1 (дата обращения: 11.01.2020).

⁵ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов [Электронный ресурс]: принята резолюцией 61/295 Генер. Ассамблеи от 13.09.2007. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 11.01.2020).

Таблица 2 / Table 2

Индекс прямой демократии. Составные части и показатели / Direct democracy index. Components and indicators

Механизмы прямой демократии	Измерение	Величина	Классификация	Частичный индекс	Индекс прямой демократии
«Снизу»	Предентивные механизмы	Законодательные народные инициативы. Конституционные инициативы. Инициативы к всеобщим выборам	0-3	0-7	0-9
	Реактивные механизмы	Отмена законов или соглашений. Объявление импичмента (снятие с должности)	0-2		
	Предписанные механизмы	Обязательные всенародные обсуждения конституционных реформ. Обязательные всенародные обсуждения узконаправленных тем	0-2		
«Сверху»	Полномочия исполнительной власти или президента	Обязательные или необязательные народные голосования	0-1	0-2	
	Полномочия законодательной власти	Обязательные или необязательные народные голосования	0-1		

Источник: составлено авторами.

с одной стороны, с инициативами общественных и политических акторов, которые требуют подотчетности и особенно транспарентности власти, а также контроля общественных расходов для борьбы с коррупцией. С другой стороны, с необходимостью правительств реагировать на критику населения и жалобы на коррупцию, учитывая общее усиление оппозиции и роль граждан в общинах и административных округах.

С помощью выявленных механизмов прямой демократии был установлен индекс прямой демократии для латиноамериканских стран (табл. 2). В законодательстве каждой из 18 представленных латиноамериканских стран осуществлялся поиск механизмов прямой демократии. Если в стране имеется один из механизмов, то она получает 1 балл, если же соответствующий механизм не найден, то 0 баллов. Промежуточные баллы свидетельствуют о неполном их наличии.

В индексе прямой демократии «снизу» показатели различаются между 0 (полное отсутствие прямой демократии «снизу») и 7 (в наличии имеются все описанные выше механизмы прямой демократии «снизу»), в индексе прямой демократии «сверху» – от 0 (полное отсутствие прямой демократии «сверху») до 2 (в наличии имеются все описанные выше механизмы прямой демократии «сверху»). Таким образом, сумма признаков прямой демократии составляет от 0 до 9.

Подсчеты выполнены на основе экспертного опроса отечественных экспертов-латиноамериканистов. Опрос проводился по электронной почте в октябре-ноябре 2019 года. Всего было опрошено 32 человека. В табл. 3 представлено среднее значение суммарной оценки респондентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс прямой демократии

Основываясь на описанной выше методологии исследования, был установлен индекс прямой демократии для каждой латиноамериканской страны (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Индекс прямой демократии в странах Латинской Америки /
Direct democracy index in Latin American countries

Страна	Прямая демократия «снизу»	Прямая демократия «сверху»	Индекс прямой демократии
Аргентина	1,5	1,5	3
Боливия	6,16	2	8,16
Бразилия	1,83	1	2,83
Венесуэла	6,5	2	8,5
Гватемала	3,33	2	5,33
Гондурас	5	1,5	6,5
Доминиканская Республика	3,16	2	5,16

Страна	Прямая демократия «снизу»	Прямая демократия «сверху»	Индекс прямой демократии
Колумбия	5,5	1,5	7
Коста-Рика	4,83	1,5	6,33
Мексика	3	2	5
Никарагуа	2	2	4
Панама	5	0	5
Парагвай	2,5	1,5	4
Перу	5,66	0	5,66
Сальвадор	0,33	0	0,33
Уругвай	5	0	5
Чили	0,83	0,5	1,33
Эквадор	7	2	9

Источник: составлено авторами.

По данным табл. 3, Эквадор, Венесуэла, Боливия и Колумбия являются странами с самым высоким индексом прямой демократии. В первых трех странах расширение механизмов прямой демократии обусловлено, прежде всего, деятельностью левых правительств, в последней – работой учредительных собраний. Эти четыре страны являются частью так называемого нового конституционализма, или конституционного новообразования в Латинской Америке, открывшего новые горизонты перед прямой демократией в регионе.

В 1990 году в Колумбии созыв учредительного собрания стал следствием студенческих протестов, в которых также участвовали представители общественных организаций и среднего класса. При этом формально протесты были связаны с результатами выборов в парламент и советы общин, протестующие требовали дополнительного всеобщего голосования. Граждане добились того, чтобы в ходе выборов с так называемым седьмым бюллетенем⁶ отдать свой голос «за» или «против» созыва учредительного собрания – Конституционной ассамблеи (Asamblea Nacional Constituyente). В ответ правительство ограничило полномочия последнего и установило юридические границы и перечень вопросов, которые могли формировать повестку дня его заседаний. Все это, а также методы работы политических партий Колумбии оказало влияние на развитие демократических институтов в стране (Mainwaring et al., 2008, p. 322) и способствовало принятию новой конституции в 1991 году.

В Боливии начала 2000-х годов важнейшие социальные движения и движения за права коренных народов требовали провозглашения институциональной системы, которая должна была изменить все законодательство с помощью демократических процессов. На этом основании при учете особенной связи автохтонных народов с землей и территорией (почвой), важности единства и обращения к прошлому разрабатывалась новая конституция, проложившая дорогу прямой демократии (Soto Barrientos, 2014, p. 401).

⁶ Остальные шесть голосов были предназначены для выборов в сенат, палату представителей, региональные собрания, городские парламенты, а также губернаторов и мэров.

В Эквадоре созыв учредительного собрания состоялся по инициативе президента Рафаэля Корреа в 2007 году. Целями его созыва, согласно Альберто Акосте⁷, были: 1) разработать новый текст конституции, чтобы построить активную, радикальную, совещательную (*deliberativa*) демократию, которая должна объединить и гарантировать гражданские, политические, социальные и коллективные права; 2) продвигать модель участия, при которой все граждане смогут осуществлять власть, участвовать в принятии общественных решений и контролировать действия своих политических представителей; 3) определить инструменты, нормы и способы, с помощью которых могут контролироваться и проверяться действия государственной администрации и ее подотчетность; 4) создать децентрализованное государство, которое передает не только компетенции, но и ресурсы и полномочия по принятию решений для улучшения качества жизни граждан, стимулирования местной экономики и прекращения исключительного и неэффективного централизма; 5) демонтировать неолиберальное гиперпрезидентство, закрепленное в Конституции 1998 года, а также те механизмы, которые поддерживали шантаж и мафиозные практики в парламенте и распространялись на контролирующие органы республики»⁸.

Учредительное собрание, в котором 80 из 130 мест получила левоцентристская социал-демократическая политическая партия Рафаэля Корреа, разработало новую конституцию. И хотя участие оппозиции в работе этого органа было минимальным, но различные организации гражданского общества играли там важную роль и способствовали расширению прав человека и гражданского участия. Новая конституция была одобрена избирателями на конституционном референдуме в сентябре 2008 года.

Во многих государствах региона посредством народного голосования, инициированного исполнительной властью, была утверждена возможность избирать президента более двух сроков, что первоначально не было предусмотрено конституциями.

Можно предположить, что в странах с сильными политическими лидерами существует вероятность нарушения баланса между ветвями власти, превращения плебисцитов в процесс принятия решений без голосования (аккламацию). Альберто Акоста о случае Эквадора писал, что нужно воспрепятствовать неограниченному переизбранию не только президента и вице-президента, но и мэров, префектов, депутатов. Требование народа о завершении господства партийных «князей» впервые прозвучало не в Монтекриси⁹, а гораздо ранее, когда речь зашла об участии граждан¹⁰.

⁷ Альберто Акоста был сооснователем партии «Alianza PAIS», которая поддерживала кандидатуру Рафаэля Корреа и составителя программы правительства этой партии. Он был министром энергетики и горного дела и на тот момент являлся председателем Конституционного собрания, в 2009 году ушел в отставку из-за расхождения во мнениях с партией и особенно с президентом Рафаэлем Корреа.

⁸ Acosta A. Migración y Constitución en Montecristi // [Электронный ресурс] // Rebelión. 2009. 21 марта. URL: <https://rebelion.org/migracion-y-constitucion-en-montecristi/> (дата обращения: 01.11.2020).

⁹ Маленький город на Тихоокеанском побережье, где с ноября 2007 по июль 2008 года заседало учредительное собрание Эквадора.

¹⁰ Acosta: se está configurando un gobierno caudillesco [Электронный ресурс] // Ecuavisa. 2014. 6 нояб. URL: <https://www.ecuavisa.com/articulo/noticias/contacto-directo/87818-acosta-se-esta-configurando-gobierno-caudillesco> (дата обращения: 01.11.2019).

Однако не все народные голосования, инициированные государственной властью, обречены на успех и безоговорочно поддержаны населением. Так, конституционная реформа 2007 года в Венесуэле, основным вопросом которой стала возможность расширения полномочий президента, несмотря на наличие сильного лидера в лице Уго Чавеса, встретила неприятие граждан, что отразилось на результатах референдума (с небольшим перевесом поправки не были приняты). Данный случай можно назвать истинным проявлением прямой демократии.

Боливийский случай сложнее, в том числе учитывая антиправительственные акции протеста 2019 года, которые в основном стали результатом недовольности президента Эво Моралеса, вынужденного покинуть родину. Так, Пабло Стефанони¹¹ утверждает, что в Боливии дискурс о коммунитарном социализме (“socialismo comunitario”) сопровождается новыми формами гражданского участия¹², которые влияют на политический процесс в стране.

Можно увидеть, что в противоположность росту гражданского участия, индекс прямой демократии «сверху» во многих латиноамериканских странах, таких как Уругвай, Перу, Панама, Сальвадор, Колумбия и Чили, равен 0–0,5 (табл. 3).

В целом следует заметить, что конституции стран с самым высоким индексом прямой демократии признают полиэтническое и мультикультурное разнообразие обществ. Они расширяют социальные права граждан и механизмы защиты этих прав, основывают институты, целью которых является больший общественный контроль. Однако новые основные законы сформировали в Андских странах условия для недостаточного вовлечения оппозиции в процесс принятия политических решений. Альтернативное мнение не звучит в парламенте, что, в свою очередь, формирует протестный потенциал, в том числе в социальных сетях, и создает почву для вмешательства иностранных государств во внутреннюю политику.

Обращают на себя внимание Чили и Сальвадор, где индекс прямой демократии самый низкий (1,33 и 0,33 соответственно). В Чили конституция принята еще в период военной диктатуры. Тем не менее в 2005 году состоялись конституционные реформы, призванные ликвидировать авторитарное наследие. Однако для этого не созывалось учредительное собрание, механизмы прямой демократии не были расширены, возможным следствием чего являются регулярные массовые акции протеста (Дьякова, 2016, с. 59). В Сальвадоре, напротив, учредительное собрание созывалось, но было не слишком демократичным, поскольку общественные организации и представители системной политической оппозиции были незначительно вовлечены в его работу. Находившиеся у власти в стране правящие элиты вели переговоры друг с другом

¹¹ *Stefanoni P.* Evo, el “modernizador” [Электронный ресурс] // *Rebelión*. 2014. 18 окт. URL: <http://rebelion.org/noticia.php?id=190970> (дата обращения: 19.10.2019)..

¹² Оппозиционная партия “MovimientosinMiedo” («Движение без страха», MSM) представляла парламенту два законопроекта: первый стремился усилить институты прямой демократии и участия, такие как референдумы, законодательные народные инициативы, возможность объявления импичмента, общинные советы и обязательные всенародные обсуждения; согласно второму, закон от 30.06.2010 № 026 «О выборном законодательстве» должен был быть изменен, чтобы позволить сдавать пустые бюллетени в случае голосования против всех. Оба предложения не получили поддержки.

за закрытыми дверями, что несло в себе отпечаток конфликта между FMLN¹³ и правыми партиями, поддерживаемыми США. Таким образом, как в Сальвадоре, так и в Чили представительная монополия сосредоточивалась в руках политических партий, новые механизмы прямой демократии не вводились.

Референдумы как механизм прямой демократии в странах Латинской Америки

Авторами были рассмотрены все национальные референдумы в странах Латинской Америки начиная с 1978 года. Указанные в табл. 4 результаты базировались на следующих пунктах: «Кто начал обсуждение – законодательная или исполнительная власть, или граждане; проходили референдумы в демократических или авторитарных системах»; «Какова была идеологическая позиция акторов, проводивших референдум». Основанием данной классификации являются мнения экспертов из указанных стран, а также позиция участвовавших в референдумах партий и общественных организаций, которые были найдены в различных источниках, таких как медиа и официальные документы.

В результате удалось установить, что на национальном уровне с 1978 года было проведено в общей сложности 54 референдума (табл. 4). При этом референдумы проводятся и проводились в 85,2 % случаев в демократических системах и лишь 14,8 % – в авторитарных. Страна с большим количеством общенациональных голосований в условиях диктатуры – Чили, где прошли четыре референдума в 1978, 1980, 1988 и 1989 годах. После них был проведен еще один, однако имеются определенные сомнения по поводу его легитимности (Вольский, 1991, с. 102–103). Поражение военного правительства на референдуме 1988 года – по результатам голосования, в котором приняли участие более 96 % избирателей, положило начало системному демократическому переходу, что было удивительным для подобного рода правоцентристских диктатур, хотя и не исключением в латиноамериканском контексте (Ивановский, 2014; Ивановский, 2015).

Подобный референдум прошел в Уругвае в 1980 году: тогда всеобщее голосование привело страну к началу демократических перемен (Чумакова, 2012). Военный режим в Уругвае (1973–1984 годы) попытался конституционно узаконить свое положение, запустив механизм плебисцита с расчетом на то, что население одобрит конституционную реформу, объявлявшую различные гражданские права недействительными.

Почти в то же время военная хунта Аугусто Пиночета начала конституционную реформу в Чили – при помощи плебисцита, преследуя цели, подобные тем, что имели уругвайские военные. В итоге чилийский авторитарный плебисцит оправдал надежды членов хунты, а в Уругвае закончился отклонением предложенных конституционных реформ. Причины разных исходов народных голосований кроются, прежде всего, в серьезном закреплении демократических ценностей в политической культуре Уругвая и центральной роли партий, которые выступали в качестве оппозиции правящему режиму (Lisidini, 2015).

¹³ Frente Farabundo Martí para la Liberación Nacional (FMLN) – Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти.

Таблица 4 / Table 4

Референдумы в странах Латинской Америки с 1978 года / Referendums in Latin America countries since 1978¹⁴

Инициатор референдума	Тип политической системы	Страна	Год	Глава государства
Президент	Демократический	Аргентина	1984	Рауль Альфонсин
		Боливия	2004	Карлос Меса
		Венесуэла	1999	Уго Чавес
			2000	Уго Чавес
		Гватемала	2018	Джимми Моралес
		Колумбия	1997	Эрнесто Сампер
			2003	Альваро Урибе
			2016	Хуан Мануэль Сантос
		Коста-Рика	2007	Оскар Ариас
		Мексика	2018	Андрес Мануэль Лопес Обрадор
		Парагвай	2011	Фернандо Луго
		Перу	2018	Мартин Вискаarra
		Эквадор	1986	Леон Фебрес-Кордеро
			1994	Сиксто Дуран-Бальен
			1995	Сиксто Дуран-Бальен
			1997	Фабиан Аларкон
			2006	Альфредо Паласио
			2007	Рафаэль Корреа
			2011	Рафаэль Корреа
			2018	Ленин Морено

¹⁴ Местные обсуждения, референдумы вне указанного периода не учитываются. Данные указаны по состоянию на 01.01.2020.

Инициатор референдума	Тип политической системы	Страна	Год	Глава государства
Президент	Авторитарный	Панама	1983	Рикардо де ла Эсприэль
		Перу	1993	Альберто Фухимори
		Уругвай	1980	Военная хунта
		Чили	1978	Аугусто Пиночет
			1980	Аугусто Пиночет
			1988	Аугусто Пиночет
			1989	Аугусто Пиночет
		Эквадор	1978	Военная хунта
Парламент	Демократический	Боливия	2008	Эво Моралес
			2016	Эво Моралес
		Бразилия	2005	Луис Инасиу Лула да Силва
		Венесуэла	2017	Николас Мадуро
		Колумбия	2018	Иван Дукэ Маркес
		Уругвай	2019	Табаре Васкес
		Эквадор	2015	Рафаэль Корреа
		Бразилия	1993	Итамар Франку
Граждане	Демократический	Боливия	2009	Эво Моралес
		Венесуэла	1999	Уго Чавес
			2007	Уго Чавес
			2009	Уго Чавес
		Гватемала	1994	Рамиро Леон Карпио
			1999	Альваро Арсу
		Мексика	1998	Эрнесто Седильо

Инициатор референдума	Тип политической системы	Страна	Год	Глава государства
		Панама	1992	Гильермо Эндара
			1998	Эрнесто Перес Бальядарес
			2006	Мартин Торрихос
		Перу	2010	Алан Гарсиа
			1994	Луис Альберто Лакалье
			1996	Хулио Мария Сангинетти
		Уругвай	1999	Хулио Мария Сангинетти
			2009	Табаре Васкес
			2014	Хосе Мухика
		Эквадор	2008	Рафаэль Корреа
			2017	Рафаэль Корреа

Источник: составлено авторами.

В Панаме одобрение изменений в конституцию на референдуме 1983 года способствовало демократической открытости, в частности демократизации избирательного права. В Перу подобный референдум 1993 года, наоборот, привел к существенному расширению полномочий президента Альберто Фухимори. Народное голосование одобрило новую конституцию с большинством в 52 %. Согласно изменениям, парламент сокращался до одной палаты, что уменьшало его численность и ослабляло авторитет, одновременно давая зеленый свет авторитарным стремлениям президента. Тем самым была подготовлена возможность перехода к президентской диктатуре (Ткаченко, 2002, с. 164).

Отметим, что большая часть народных референдумов (51,8 %) была инициирована действующими президентами, 35,2 % – путем предложения со стороны граждан. Остальные референдумы были созваны по инициативе законодательной власти – 13 %. Данные дают ясное представление о том, что в половине случаев народная инициатива в Латинской Америке проявлялась «сверху» и нередко выступала лишь инструментом политики президентов для укрепления власти.

Диаграмма связывает общее число плебисцитов с государствами, в которых они проводились (рис. 2). На ней отражено, что 22,2 % случаев проведения референдумов приходится на Эквадор, однако их инициаторами выступали в основном президенты страны, что наделяет народные голосования одобрительными чертами. Это же касается и Венесуэлы, на которую приходится 11,1 % плебисцитов (третье место среди стран региона). На втором месте находится Уругвай (13 %), при этом пять из семи референдумов в стране прошли по инициативе граждан, гражданских объединений или политических партий, а не исполнительной власти, как во многих других странах. Уругвай является своего рода исключением в Латинской Америке, так как народные голосования проводились там с давнего времени (первое датируется 1917 годом) и инициатива их организации принадлежала народу.

Авторами настоящей статьи также выделил три типа референдумов в зависимости от преследуемых целей их проведения (рис. 3). Почти половину (48 %) из них можно считать *прогрессивными*. Народные голосования расширяли определенные права граждан, способствовали дальнейшему демократическому развитию политических систем. Подобные референдумы прошли в ряде центральноамериканских стран. *Нейтрально-неоднозначными* (29 %) считаем те референдумы, в ходе которых решались как прогрессивные, так и консервативные задачи. Например, референдум 2003 года в Колумбии при президенте Альваро Урибе. Наконец, 23 % плебисцитов носят *реакционный* характер, преследуют цель, как правило, предоставить президенту возможности неограниченного переизбрания и существенно расширить его полномочия. К таким референдумам относятся, например, те всенародные голосования, которые прошли в Чили в 1980 году. Правда, следует вспомнить и плебисциты в Уругвае, направленные против обвинений в адрес военных, нарушивших права человека, и судов над ними. В этом случае референдумы отменяли выдвинутые обвинения.

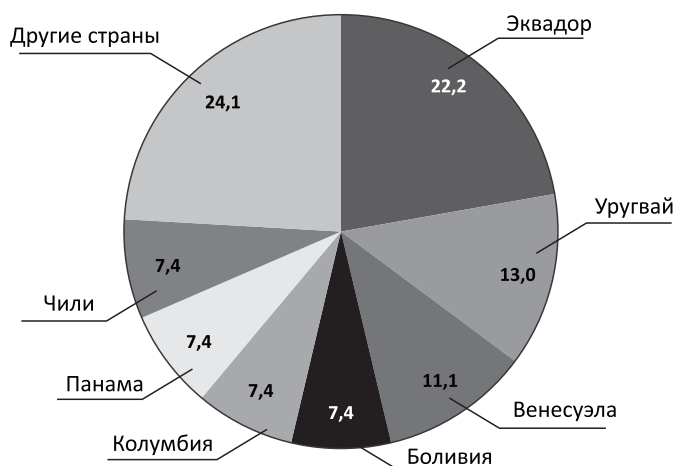

Рис. 2. Распределение референдумов по странам Латинской Америки, % /
Fig. 2. Referendums distribution by Latin America countries, %

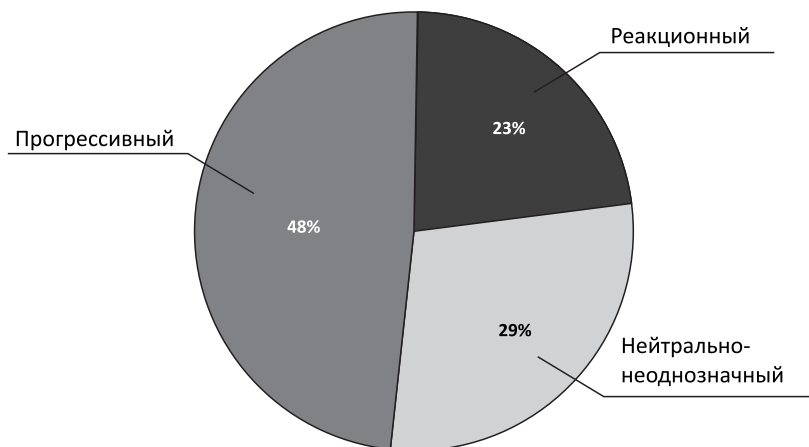

Рис. 3. Распределение референдумов по типам, % /
Fig. 3. Referendums distribution by types, %

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из анализа общих правовых условий и опыта проведения пре-бисцитов, можно сделать вывод, что значение прямой демократии в Латинской Америке в последние годы возросло. В исследовании авторы учитывают референдумы национального уровня, которые в последнее время часто приводят к смещению политических лидеров с должностей, а также всенародные обсуждения и законодательные народные инициативы. Все это указывает на растущее значение механизмов прямой демократии.

Прямая демократия позволяет охарактеризовать политическую структуру общества, а также показывает уровень его развития. Следует отметить, что в странах с авторитарной традицией и высокой концентрацией власти

в руках президента исполнительная власть часто дает импульс к народному голосованию. В странах, которые, напротив, делают ставку на разделение властей и переговорный процесс, механизмы прямой демократии используются гражданами и политическими партиями, и благодаря этому как прямая, так и представительная демократия усиливаются.

К этому стоит добавить и институциональное оформление референдумов, которое играет важную роль в рамках прямой демократии. В странах с президентской традицией всенародное волеизъявление усиливает не законодательную, а исполнительную власть, т. е. центр принятия решения переносится из парламентов в офисы президентов, как это можно увидеть в Боливии и Эквадоре. При этом в целом стоит рассматривать воздействие прямой демократии в Латинской Америке в большинстве своем как прогрессивное и подерживающее демократию явление.

В последнее время количество народных инициатив на национальном уровне снизилось в первую очередь по причине незнания гражданами общих конституционных прав. Еще одна причина – сложность реализации инициатив или их искусственное осложнение посредством различных бюрократических процедур, большого числа необходимых подписей, временных условий и пр. Другими возможными причинами могут быть невысокое доверие к институционализированным формам демократического участия, а в некоторых странах – дороговизна проведения подобных мероприятий. Тем не менее недооценка подобных мер может привести к еще большим расходам после ликвидации последствий неформальных форм политического участия, например уличных протестов и гражданских беспорядков (Боливия).

Можно предположить, что современные правительства Латинской Америки и партии не особо доверяют прямому участию граждан «снизу» и, скорее, решают выбрать контролируемое участие¹⁵. Во многих случаях партии выступают, когда граждане хотят ограничить политический курс правительства или не допустить реализации проектов, которые приведут к ухудшению окружающей среды или чрезмерной эксплуатации полезных ископаемых¹⁶. Являются ли данные ограничения законодательных народных инициатив «детской болезнью», которая исчезнет в процессе демократизации латиноамериканских стран, покажет будущее. Однако народные волеизъявления не должны отделяться от политического ландшафта континента и заслуживают поддержки со стороны властей как наиболее демократическая норма для выражения мнения и отстаивания своих интересов в рамках правового поля.

¹⁵ Zibechi R. Correa contra los movimientos sociales. Temor a la sociedad organizada [Электронный ресурс] // Miradoriu.org. 2014. 20 дек. URL: <http://www.miradoriu.org/spip.php?article530> (дата обращения: 30.10.2019).

¹⁶ См., напр., жалобу жителей аргентинской провинции Чубут: *Exigimos la derogacion de la ley prominera, el urgente tratamiento legislativo de la genuina ley de iniciativa popular y la investigaci3n judicial* [Электронный ресурс] // Blogger. 2014. 3 дек. URL: <http://iniciativapopularchubut.blogspot.com> (дата обращения: 30.10.2019).

Библиографический список

Дабагян Э. С. Массовые социальные протесты как политический фактор // Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З. В. Ивановский. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2017. С 185–203.

Дьякова Л. В. Чили: на трудном пути демократии // Латинская Америка. 2016. № 5. С. 52–61.

Ивановский З. В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры: справочник. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2014. 126 с.

Латинская Америка: дилемма демократического развития / Отв. ред. Б. Ф. Мартынов. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2001. 202 с.

Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / Отв. ред. З. В. Ивановский. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2015. 274 с.

Ткаченко В. А. Феномен Фухимори: авторитаризм versus демократия. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2002. 228 с.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

Хелд Д. Модели демократии / Пер. с англ. М. Рудакова. М.: Дело, 2014. 544 с.

Чили от диктатуры к демократии / Отв. ред. В. В. Вольский. М.: Наука, 1991. 181 с.

Чумакова М. Л. Политические перемены и перспективы демократии в Латинской Америке // Латинская Америка. 2012. № 3. С. 5–20.

Altman D. Democracia directa en el continente americano: ¿Autolegitimación gubernamental o censura ciudadana? // Política y Gobierno. 2005. Vol. 12, № 2. P. 203–232.

Easton D. A systems analysis of political life. NY: John Wiley, 1965. 532 p.

La dosis hace el veneno. Análisis de la revocatoria del mandato en América Latina, Estados Unidos y Suiza / Ed. by Y. Welp, U. Serdult. Quito: Instituto de la Democracia, 2014. 272 p. DOI: 10.13140/2.1.1851.7447.

Lissidini A. A 35 años del plebiscito convocado por los militares uruguayos (y chilenos). Saber decir NO y repetirlo [Электронный ресурс] // Sin Permiso. 2015. 12 дек. URL: <https://www.sinpermiso.info/textos/a-35-anos-del-plebiscito-convocado-por-los-militares-uruguayos-y-chilenos-saber-decir-no-y-repetirlo> (дата обращения: 20.10.2019).

Lissidini A. Democracia directa en Uruguay y en Venezuela: nuevas voces, antiguos procesos // Nuevas Instituciones de democracia participativa en América Latina: la voz y sus consecuencias / Ed. by M. A. Cameron, E. Hershberg, K. E. Sharpe. Ciudad de México: FLACSO, 2012. P. 235–272.

Mainwaring S., Bejarano A. M., Leongymez Pizzaro E. La crisis de la representación democrática en los países andinos. Bogotá: Editorial Norma, 2008. 515 p.

Nino C. S. Una teoría de la justicia para la democracia. Hacer justicia, pensar la igualdad y defender libertades. Buenos Aires: Siglo XXI Editora Iberoamericana, 2014. 301 p.

Reforma política y electoral en América Latina 1978–2007 / Ed. by D. J. Zovatto, J. O. Henríquez. Ciudad de México: Universidad Nacional Autónoma de México; IDEA Internacional, 2008. 1101 p.

Rosanvallon P. Counter-democracy: Politics in an age of distrust / Пер. с фр. A. Goldhammer. NY: Cambridge University Press, 2008. 348 p.

Sáez M. A. Los partidos y la fatiga de la democracia, especial referencia al caso de América Latina // *Revista de Derecho Electoral*. 2019. № 28. P. 1–24. DOI: 10.35242/RDE_2019_28_1.

Schumpeter J. A. Capitalism, socialism and democracy. 3rd ed. NY: Harper Perennial Modern Classics, 2008. 431 p.

Soto Barrientos F. Asamblea constituyente: la experiencia latinoamericana y el actual debate en Chile // *Estudios Constitucionales*. 2014. Vol. 12, № 1. P. 397–428.

Tuesta Soldevilla F. La revocatorias en el Peru: entre la participación y la gobernabilidad local // *Una onda expansiva: Las revocatorias en el Peru y en América Latina* / Ed. by F. Tuesta Soldevilla. Lima: PUCP, 2014. P. 45–66.

Информация об авторах

Емельянов Антон Игоревич – канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии института международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

ORCID: 0000-0001-7076-0273

ResearcherID: –

Электронный адрес: anton.politolog@ya.ru

Варнацкая Ярослава Владимировна – магистрант I курса кафедры политологии института международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4416-3018

ResearcherID: –

Электронный адрес: yaroslava_varnackaya@mail.ru

Статья получена 24 января 2020 года

UDC 324

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-342-366

BASICS OF DIRECT DEMOCRACY IN LATIN AMERICA

Anton I. Emelyanov

Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia

ORCID: 0000-0001-7076-0273

ResearcherID: –

E-mail: anton.politolog@ya.ru

Yaroslava V. Varnatskaya

Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka str.,
Moscow, 119034, Russia

ORCID: 0000-0002-4416-3018

ResearcherID: –

E-mail: yaroslava_varnackaya@mail.ru

For citation:

Emelyanov, A. I. and Varnatskaya, Ya. V. (2020), “Basics of direct democracy in Latin America”, *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 342–366, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-342-366.

Introduction: the paper reveals the main features of democratic institutions in Latin America through the analysis of the forms and mechanisms of direct democracy, as well as through the study of the direct democracy index in Latin American states.

Objectives: the paper is to explore democratic institutions in Latin America and to identify the possibilities and boundaries of direct democracy mechanisms in the states under research.

Methods: analysis of documents (including constitutions of Latin American states), behavioral method, structural-functional method, system analysis, institutional method, comparative analysis.

Results: the main mechanisms of direct democracy in Latin America were identified; the direct democracy index in Latin American states was calculated; the raise of direct democracy in Latin America as well as the prospects for its development in the region were shown.

Conclusions: the increasing importance of direct democracy in Latin America is becoming apparent. Thus, the role of direct democracy mechanisms becomes especially noticeable at the local level, where, due to the frequency of plebiscites, there are much more displacements from elected posts, various preliminary popular discussions or popular initiatives. In countries with an authoritarian tradition and a high concentration of power in the hands of the president, executive power more often gives impetus to the popular will. In the countries that, on the contrary, rely on separation of powers and negotiations, direct democracy mechanisms are used by citizens and political parties much more often and, due to this fact, the manifestation of both direct and representative democracy is intensified.

Keywords: direct democracy; democratic institution; Latin America; national referendum; plebiscite; direct democracy index

References

Dabagyan, E. S. (2017), “Mass social protests as a political factor”, in Ivanovskii, Z. V. (ed.), *Politicheskie konflikty v Latinskoi Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti* [Political conflicts in Latin America: Challenges of stability and new

opportunities], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 185–203.

Dyakova, L. V. (2016), “Chile: challenges to democracy”, *Latinskaia Amerika*, no. 5, pp. 52–61.

Ivanovskiy, Z. V. (2014), *Latinskaya Amerika: elektoral'noe zakonodatel'stvo i vlastnye struktury: spravochnik* [Latin America: Electoral legislation and the power structures. A guide], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Martynov, B. F. (ed.) (2001), *Latinskaya Amerika: dilemma demokraticeskogo razvitiya* [Latin America: The dilemma of democratic development], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ivanovskiy, Z. V. (ed.) (2015), *Latinskaya Amerika: izbiratel'nye protsessy i politicheskaya panorama* [Latin America: Electoral process and the political panorama], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Tkachenko, V. A. (2002), *Fenomen Fukhimori: avtoritarizm versus demokratiya* [Fujimori phenomenon: Authoritarianism versus democracy], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Huntington, S. (2003), *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka* [The third wave. Democratization in the late 20th century], Translated by Pantina, L. Yu., ROSSPEN, Moscow, Russia.

Held, D. (2014), *Modeli demokratii* [Models of democracy], Translated by Rudakov, M., Delo, Moscow, Russia.

Volskiy, V. V. (ed.) (1991), *Chili ot diktatury k demokratii* [Chile: from dictatorship to democracy], Nauka, Moscow, Russia.

Chumakova, M. L. (2012), “Political changes and outlook for democracy in Latin America”, *Latinskaia Amerika*, no. 3, pp. 5–20.

Altman, D. (2005), “Democracia directa en el continente americano: ¿Autolegitimación gubernamental o censura ciudadana?”, *Política y Gobierno*, vol. 12, no. 2, pp. 203–232.

Easton, D. (1965), *A systems analysis of political life*, John Wiley, NY, US.

Welp, Y. and Serdult, U. (eds.) (2014), *La dosis hace el veneno. Análisis de la revocatoria del mandato en América Latina, Estados Unidos y Suiza*, Instituto de la Democracia, Quito, Ecuador, doi: 10.13140/2.1.1851.7447.

Lissidini, A. (2015), “A 35 años del plebiscito convocado por los militares uruguayos (y chilenos). Saber decir NO y repetirlo”, *Sin Permiso*, Oct. 12 [Online], available at: <https://www.sinpermiso.info/textos/a-35-anos-del-plebiscito-convocado-por-los-militares-uruguayos-y-chilenos-saber-decir-no-y-repetirlo> (Accessed Oct. 20, 2019).

Lissidini, A. (2012), “Democracia directa en Uruguay y en Venezuela: nuevas voces, antiguos procesos”, in Cameron, M. A. Hershberg, E. and Sharpe, K. E. (eds.), *Nuevas Instituciones de democracia participativa en América Latina: la voz y sus consecuencias*, FLACSO, Ciudad de México, México, pp. 235–272.

Mainwaring, S., Bejarano, A. M. and Leongymez Pizzaro, E. (2008), *La crisis de la representación democrática en los países andinos*, Editorial Norma, Bogotá, Colombia.

Nino, C. S. (2014), *Una teoría de la justicia para la democracia. Hacer justicia, pensar la igualdad y defender libertades*, Siglo XXI Editora Iberoamericana, Buenos Aires, Argentina.

Zovatto, D. J. and Henríquez, J. O. (eds.) (2008), *Reforma política y electoral en América Latina 1978–2007*, Universidad Nacional Autónoma de México, IDEA Internacional, Ciudad de México, México.

Rosanvallón, P. (2008), *Counter-democracy: Politics in an age of distrust*, Translated by Goldhammer, A., Cambridge University Press, NY, US.

Sáez, M. A. (2019), “Los partidos y la fatiga de la democracia, especial referencia al caso de América Latina”, *Revista de Derecho Electoral*, no. 28, pp. 1–24, doi: 10.35242/RDE_2019_28_1.

Schumpeter, J. A. (2008), “Capitalism, socialism and democracy”, 3rd ed., Harper Perennial Modern Classics, NY, US.

Soto Barrientos, F. (2014), “Asamblea constituyente: la experiencia latinoamericana y el actual debate en Chile”, *Estudios Constitucionales*, vol. 12, no. 1, pp. 397–428.

Tuesta Soldevilla, F. (2014), “La revocatorias en el Peru: entre la participación y la gobernabilidad local”, in Tuesta Soldevilla, F. (ed.), *Una onda expansiva: Las revocatorias en el Peru y en América Latina*, PUCP, Lima, Perú, pp. 45–66.

Received Jan. 24, 2020